

УДК УДК 81'42:316.334.56:304.2(571.651)

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-120-149>

Оригинальная научная статья

«Локальный текст» Анадыря: пространственные границы, визуальные репрезентации и темпоральность арктического города

А. А. Ярзуткина

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия

 jarzut@yandex.ru

Аннотация

Анадырь – столица самого северо-восточного региона России – Чукотского автономного округа, с населением около 13 тысяч человек, является особым городом. Он расположен на границе континента, изолирован от сухопутных дорог и демонстрирует сложное переплетение пришлого и коренного населения. Однако, несмотря на свою уникальную позицию, Анадырь представляет собой редкий объект для гуманитарных исследований. Исследование направлено на культурно-антропологический анализ окружной столицы Чукотки как специфического пространственно-временного феномена, сформированного арктическим контекстом и постсоветской историей, через оптику локального дискурса, визуальной среды и повседневных практик. Источником материалов для исследования стали долгосрочные включенные наблюдения за период 2003–2025 годов, более 60 полуструктурированных интервью с жителями разного социального статуса, анализ дневниковых записей, личных нарративов архитектурного ландшафта и сетевых сообществ. Результаты исследования показали, что административные границы города расходятся с ментальными: село Тавайваам исключается жителями из понятия «города», а сам Анадырь воспринимается как остров, отрезанный от «материка», что усиливает внутригрупповую солидарность. Образ коренных жителей в городском ландшафте сместился от советского патерналистского просветительства к поверхностной визуальной апроприации, при которой этнические символы и гастрономия служат декоративным ресурсом идентичности без реального изменения социального статуса коренных сообществ. Темпоральность Анадыря полихронна: природные циклы полярного дня и ночи накладываются на трудовое расписание административных учреждений, сезонность морского завоза и девятичасовое смещение относительно Москвы. Историческая память структурируется через

© Ярзуткина А.А., 2026

эмическую периодизацию (народное членение эпох стабильности, разрухи и фасадного обновления). Исследование расширяет понимание арктических городов как полноценных социальных организмов, чья логика определяется изоляцией, климатом и межкультурным взаимодействием, а не только ресурсной функцией. Перспективным направлением остается изучение мобильности: переправы через Анадырский лиман и воздушных сообщений как практик, удерживающих город в связности с внешним миром.

Ключевые слова: антропология города, локальный текст, ландшафт, Чукотка, Арктика, пространство, время, городские сообщества, культурный контекст, городская культура

Для цитирования: Ярзуткина А.А. «Локальный текст» Анадыря: пространственные границы, визуальные репрезентации и темпоральность арктического города. *Арктика XXI век*. 2026;14(3):120–149. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-120-149>

Original article

The “local text” of Anadyr: spatial boundaries, visual representations and temporality of the Arctic city

Anastasiia A. Yarzutkina

Chukotka Branch of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Anadyr, Russia
 jarzut@mail.ru

Abstract

Anadyr – the capital of Russia’s northeasternmost region, the Chukotka Autonomous Okrug – is a distinctive city with a population of approximately 13,000. Situated at the edge of the continent and isolated from overland road networks, it embodies a complex interplay between migrant and indigenous populations. Yet, despite its unique position, Anadyr remains a rarely studied subject in the humanities. This study offers a cultural-anthropological analysis of Chukotka’s regional capital as a specific spatiotemporal phenomenon shaped by its Arctic context and post-Soviet history, examining it through the lenses of local discourse, the visual environment, and everyday practices. The research draws on long-term participant observation conducted between 2003 and 2025, over 60 semi-structured interviews with residents of diverse social backgrounds, and an analysis of diary entries, personal narratives regarding the architectural landscape, and online communities. The findings reveal a divergence between the city’s administrative boundaries and its mental map: residents exclude the village of Tavaivaam from their concept of the “city”, while Anadyr itself

is perceived as an island cut off from the “mainland” – a perception that reinforces in-group solidarity. Within the urban landscape, the representation of indigenous inhabitants has shifted from Soviet-era paternalistic “enlightenment” to a form of superficial visual appropriation, where ethnic symbols and cuisine serve as decorative identity markers without effecting any real change in the social status of indigenous communities. Anadyr’s temporality is polychronic: the natural cycles of the polar day and night intersect with the work schedules of administrative institutions, the seasonality of maritime supply deliveries, and a nine-hour time difference relative to Moscow. Historical memory is structured through an emic periodization – a local conceptualization of eras defined by stability, ruin, and “facade-style” renewal. The study expands the understanding of Arctic cities as fully fledged social organisms whose logic is shaped by isolation, climate, and intercultural interaction, rather than merely by their function as resource hubs. A promising avenue for further research is the study of mobility – specifically, crossings across the Anadyr Estuary and air links – as practices that maintain the city’s connectivity with the outside world.

Keywords: urban anthropology, local text, landscape, Chukotka, the Arctic, space, time, urban communities, cultural context, urban culture

For citation: Yarzutkina A.A. The “local text” of Anadyr: spatial boundaries, visual representations and temporality of the Arctic city. *Arctic XXI Century*. 2026;14(3):120–149 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-120-149>

Введение

В ряду северных административных центров Анадырь – столица Чукотского автономного округа (64°44′ с. ш., 177°30′ в. д.) – занимает особое положение. Расположенный на низменном песчано-галечном мысе на берегу Анадырского лимана, в зоне сплошного залегания многолетне-мерзлых пород, этот город с населением около 13 тысяч человек¹ отрезан от общероссийской сети круглогодичных сухопутных дорог и соединен с «материком» исключительно морской навигацией и авиасообщением.

В отечественной науке долгое время доминировал экономико-географический взгляд на северные поселения как на ресурсные придатки или логистические узлы. Лишь в последние десятилетия городская антропология обратилась к малым северным городам как к пространствам повседневной жизни. Согласно Кэролайн Хамфри, урбанистическая среда на Севере перестает быть просто техническим каркасом для освоения недр, превращаясь в пространство непрерывного производ-

¹ Анадырь. СтатГород. Режим доступа: <https://statgorod.ru/region/cukotskii-avtonomnyi-okrug/anadyr?ysclid=mtvdnv0999216844813> (дата обращения 11.07.2026).

ства социальных связей, солидарности и локальных смыслов [1]. Будучи одним из самых удаленных городов России, Анадырь редко становился предметом гуманитарных исследований, хотя его история, культурный ландшафт и социальная структура заслуживают внимания.

Анадырь – это город на границе: географической (край материка, соседство с Беринговым морем и Аляской), климатической (зона полярного дня и ночи), административной (административный центр Чукотского АО) и культурной (контакт между коренным и разнорасовым приезжим населением). Именно эта множественность границ делает его интересным объектом для антропологического исследования.

Данная статья предлагает анализ отдельных аспектов жизни города Анадырь не как изолированного поселения на краю страны, а как живого социального пространства, где конструируются и переживаются особые отношения со временем, местом и памятью. Как отмечает географ Д. Мэсси, место – это не закрытая пространственная сущность, а открытый социальный конструкт, возникающий из множества пересекающихся траекторий [2]. С. Лоу подчеркивает необходимость интеграции пространственного анализа с этнографией институтов и локальных сообществ [3]. Анадырь можно рассматривать именно таким образом: как сплетение исторических пластов, биографий, хозяйственных циклов и ежедневных практик.

На фоне обилия антропологических работ о жизни и культуре городов исследования именно арктических городов оказываются немногочисленными. Вопросы социальной мобильности северных городов и их фронтальности были поставлены в работах Н.Ю. Замятиной [4; 5]. Проблемы, связанные с возникновением северных моногородов и особенностями процесса урбанизации на российском Севере, отражены в работах А.А. Болотовой [6] и М.Я. Рожанского [7]. Вопросы инфраструктуры северного города и его виртуального мира представлены в работах А.И. Карасевой [8; 9].

Специальные научные исследования, посвященные современной культуре города Анадырь, в настоящее время отсутствуют. Отдельные вопросы культуры и быта жителей Анадыря поднимались в статьях таких антропологов, как Н. Томсон [10], В. Вате [11], П. Грей [12].

Целью данного исследования является культурно-антропологический анализ города Анадыря как особого пространственно-временного явления, укорененного в арктическом контексте и постсоветской истории.

В работе социолога Л. Вирта «Урбанизм как образ жизни» городская культура рассматривается в трех взаимосвязанных измерениях: 1) как структура физического пространства людей; 2) как система

социальной организации; 3) как набор установок и идей, как «констелляция личностей» [13]. Категории пространства и времени открывают широкое поле для понимания города. Исходя из этого, в предлагаемой статье ставятся следующие вопросы: какие способы используют жители для конструирования городских границ (физических, ментальных, социальных)? Как климатические и географические факторы структурируют циклическое время города? Каким образом память о советском периоде и переходные практики постсоветского времени влияют на формирование городской идентичности? Как локальные практики и архитектура участвуют в воспроизводстве городского пространства?

Исследование основано на материалах долгосрочного включенного наблюдения (участвующей антропологии), проводившегося с 2003 по 2025 год. Методы включали полуструктурированные интервью (более 60 интервью с жителями разных статусов); наблюдение за повседневными практиками; анализ архитектурного ландшафта и городской символики; сбор личных нарративов и устной истории; анализ локальных медиа и документов. Интервью проводились с людьми разных возрастных, социальных и национальных групп: жителями и гостями города, работниками государственных и коммерческих структур, пенсионерами и студентами. Важным источником информации были наблюдения автора, который является жителем Анадыря. В течение двух последних лет (с февраля 2024 года) наблюдения записывались в дневник. Дополнительным источником были форумы и комментарии к сообщениям, размещаемые на городских сайтах².

Границы: пространственное моделирование города

Городское пространство можно рассматривать с разных позиций [14], и самих пространств города может быть несколько. Я становлюсь только на нескольких характеристиках, важных, на мой взгляд, именно для описания арктического города. Это границы города и материальный ландшафт города как важный аспект его визуальной репрезентации [15].

Физические границы Анадыря определяются географией: с одной стороны – Анадырский лиман, с другой – тундра, доходящая почти до края жилых кварталов. Однако граница между городом и природным

² Официальный информационно-правовой ресурс городского округа Анадырь. Режим доступа: <https://novomariinsk.ru/> (дата обращения: 11.07.2026); Анадырь онлайн. Информационный городской портал. Режим доступа: <https://anadyr.org/> (дата обращения: 11.07.2026); Аэропорты Чукотки. Режим доступа: <https://apanadyr.ru/> (дата обращения: 11.07.2026); Анадырь. Без формата. Режим доступа: <http://anadir.bezformata.com/newsmakers/list/44682/> (дата обращения: 11.07.2026); Чукотка. Объявления. Режим доступа: <https://chukotka.obyava.org/> (дата обращения: 11.07.2026).

пространством – это не просто линия на карте. Как пишет французский философ Анри Лефевр, пространство социально, оно – результат практик власти, знания и повседневного взаимодействия [16]. В Анадыре граница между городом и тундрой проходит не столько по географической черте, сколько по практикам и представлениям его жителей. Границы, как и пространства Севера, как было показано в статье А. Штаммлер-Госсман, могут быть не только географическими или административными, но также ментальными и социальными. Рассматривая внутреннюю перспективу восприятия пространства, мы можем увидеть более дифференцированную картину, где категории ориентации-направления, близости-удаленности, центра-периферии приобретают иное значение [17, с. 34].

Электричество, асфальт, магазины – маркеры городского. Однако эта граница подвижна. Во время рыбалки (летом на красную рыбу, а зимой-весной – на корюшку) городские жители регулярно пересекают ее, уезжая в тундру или выходя на лед лимана. Граница города – это не твердая линия, а градиент, размытая зона, зависящая от времени года, времени суток, вида деятельности.

Административно-территориальные границы городского округа Анадырь определены законом «О статусе и границах муниципального образования город Анадырь Чукотского автономного округа»³ и официально включают город окружного подчинения Анадырь и село Тавайваам, площадь территории в этих границах составляет около 5300 га⁴. При этом, как показывает мое исследование, административные границы города не совпадают с социальными границами. Село Тавайваам всегда оказывается исключенным из границ города в дискурсе жителей. Территориальная близость к центру города этого села равносильна удаленному району города (например, последним домам по ул. Строителей или ул. Энергетиков). Приезжий человек или турист, объезжая город на такси или автобусе, не сможет заметить особой разницы и границ (кроме естественных) между городом и селом. Очевидными они оказываются только для местных жителей или тех, кто оказался вовлечен в повседневность и социальные отношения города Анадырь. Представления о том, что Тавайваам – это «не город», прочно укоренены в сознании жителей.

³ Закон Чукотского автономного округа от 29 ноября 2004 года № 40-ОЗ «О статусе и границах муниципального образования город Анадырь Чукотского автономного округа». Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&empire=1&nd=186007619&page=1&rdk=0&link_id=0#I0 (дата обращения: 25.07.2026).

⁴ Общая информация о городском округе Анадырь. Официальный информационно-правовой ресурс городского округа Анадырь. Режим доступа: <https://novomariinsk.ru/> (дата обращения: 11.07.2026).

Наши информанты указали следующие внешние признаки «не города»: *«Только здесь можно еще увидеть множество контейнеров, в которых жители хранят свои вещи и транспорт. Когда-то давно эти контейнеры стояли в каждом дворе города, но впоследствии их запретила администрация. Сделали исключение для села»*⁵.

Также важным критерием является набор коммунальных услуг: *«В отличие от города, здесь нет горячей воды в кране, для нагрева используются “титаны”... Село. Поэтому всем жителям выплачиваются субсидии на оплату коммунальных платежей»*⁶.

Близость к природе и занятия жителей промыслом выступают еще одной характеристикой «внегородского пространства» села Тавайваам: *«Все жители села занимаются рыболовством. На берегу можно увидеть множество самодельных “балков”, в которых хранятся удочки, сети, все для рыболовства... Много коренных жителей. Не работают. Рыбалка для них, чтобы прокормиться»*⁷.

Одной из важнейших границ между Анадырем и Тавайваамом становятся этнические и социальные признаки. По мнению наших информантов, Тавайваам можно рассматривать как некое «гетто»⁸, где живут представители коренной национальности и социально неблагополучные граждане. *«“Тарарам” (смех), ну, это так Тавайваам называют (смех). Пьянки там, ходят туда-сюда, как в деревне. Да это и есть деревня. Там коренные в основном живут. Из сел, кто устроиться не может, не работает. А что им делать еще? Вот ходят друг к другу, праздник у них. В городе-то так не походишь пьяным по улицам... Как будто их туда подальше от глаз»*⁹.

Еще одним фактором для отнесения Тавайваама к «не городу» или «гетто» в городе является стоимость квартир. Рынок недвижимости в городе Анадырь характеризуется преобладанием спроса над предложением продажи жилья. Стоимость квартир в пределах ментальных границ города и села различается: в селе квартиры на 25–40% дешевле. При этом вопрос «престижа» при выборе места для проживания в пределах официальных границ городского округа Анадырь оказывается двояким. Часть информантов говорили о том, что *«в Тавайвааме живут только бедные»* и сами они никогда бы туда не переехали, так как *«стыдно*

⁵ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант №5, мужчина, 59 лет.

⁶ ПМА. Информант №7, мужчина, 40 лет.

⁷ ПМА. Информант №3, мужчина, 37 лет.

⁸ Впервые в урбанистической социологии такое определение этническому кварталу дал Л. Вирт [16].

⁹ ПМА. Информант №12, женщина 45 лет.

было бы сказать, что я живу в “Тарараме” (Тавайвааме)»¹⁰. Несколько информантов, один из которых является жителем этого села, указывали на то, что жизнь в Тавайвааме сравнима с жизнью в коттедже в Подмосковье: близко к столице, но при этом избегая городской суеты, и даже сравнивали Тавайваам с модными сейчас экопоселениями: «Мне здесь нравится, и никогда на город не поменяю. У меня есть деньги. Мне не проблема в Анадыре “трешку” купить. Но это не то. Здесь захотел – пошел на рыбалку. Тут балок рядом. Из дома вышел – тундра уже. Пошли на берег, костер, чай. Из окна лиман видно. Смотрю, как погода меняется. Экология лучше (смех)»¹¹.

По моим наблюдениям, между селом и городом существуют также и транспортные границы, обусловленные природными условиями Крайнего Севера. В зимний период (около 8 месяцев в году) село становится более труднодоступным. Снегом нередко заметает дорогу, которую коммунальные службы не успевают расчищать, в связи с чем выезд или въезд в село оказывается невозможным. Легковой транспорт не может туда доехать либо из-за больших сугробов, либо из-за сильного ветра и пурги, опасаясь быть перевернутым на открытых участках.

«Я могу описать случай, когда моя одноклассница не смогла прийти на учебу. В тот день в городе было ветрено, и была отмена с 1 по 6 класс, я учился в 10 классе и, соответственно, пошел на учебу. Моя одноклассница жила в Тавайвааме, и там в это время был очень сильный ветер, как она говорила – “из окна вижу, как летают контейнеры из-под мусора”, на этот период туда не ездили автобусы и такси. Она в школу не пошла. Все учителя с пониманием относились к этому. Никаких отрицательных последствий у нее не было»¹².

На представления людей об исключении села из границ города большое влияние оказывают символы. Село Тавайваам отделено от города рекой Казачкой. Река во всех культурах являлась естественной границей. Зафиксировано множество фактов, когда кладбища располагались «за рекой», и именно эта водная черта символически разделяла «мир живых» и «мир мертвых». В данном случае в представлении опрошенных нами жителей присутствовало такое же разграничение: город и село по характеристикам оказывались двумя разными мирами. Это хорошо прослеживалось на ментальных картах, которые рисовали наши информанты.

¹⁰ ПМА. Информант №46, мужчина, 27 лет.

¹¹ ПМА. Информант №2, мужчина, 38 лет.

¹² Полевой дневник №1.

Внутреннее пространство города глубоко гетерогенно. В соответствии с концепцией С. Лоу, материальная организация города производит и воспроизводит социальные иерархии [3]. Внутренняя топография Анадыря состоит из нескольких локусов и внутри одного и того же городского пространства эти локусы разнятся, пересекаются и накладываются друг на друга.

Административно-парадный центр (часть улиц Ленина и Отке, площадь перед Домом народного творчества, кафедральный собор Святой Живоначальной Троицы, перекресток у супермаркета Ново-Мариинский и др.). Здесь сконцентрированы органы муниципальной власти, гостиницы, музейный центр «Наследие Чукотки». Здания здесь облицованы яркими фасадами, пешеходные дорожки вымощены плиткой, установлены монументальные скульптуры (памятник Николаю Чудотворцу, Юрию Рытхэу, Л.Ф. Гриневецкому, участникам Великой отечественной войны и СВО). Здесь же сосредоточено большинство магазинов. Это – витринное пространство репрезентации власти и официальной региональной презентабельности [16].

Жилые кварталы (часть улицы Отке, ул. Мира, Тевлянто, Энергетиков, Строителей), где расположены крупнопанельные дома на свайных фундаментах («дома на ножках», предохраняющие мерзлоту от растепления). В 2000-е годы фасады этих домов были утеплены и раскрашены в интенсивные хроматические цвета (синий, оранжевый, желтый, пурпурный), украшены масштабными муралами с изображениями арктических животных и пейзажей.

Периферийный сектор и припортовая зона (район бывшего рыбзавода, косы Александра, улицы Полярная, Южная, Партизанская) состоят из деревянных строений, стихийных построек, контейнерных «городков». В нарративах информантов эти районы нередко наделяются коннотациями «неубранности», «беспорядка» и «последствий 90-х годов».

Вышеописанные локусы очевидны даже для гостей города, однако внутри городского пространства (исключая село Тавайваам) существуют и другие пространства и границы, которые не очевидны приезжим. Жители разделяют город на несколько условных частей: низ, центр, «Пентагон», верх.

«Верх» – «строяки» (производное слово от улицы Строителей) – это самая отдаленная от центра часть города. *«Ой! Я не знаю. Нужны серьезные основания, чтобы я туда пошел. Уж если вдруг [пауза]... Это так далеко. Я точно на такси»*¹³.

¹³ ПМА. Информант №8, мужчина, 32 года.

«Низом» называют часть, где расположены окружная больница и Чукотский многопрофильный колледж. Такие названия обусловлены естественным ландшафтом города: он расположен у подножия сопки, и часть улиц идет от «низа» до «верха».

«Центром» называют место, где расположено множество продуктовых магазинов и торговых точек.

Отдельно выделяют «Пентагон» – ряд домов, расположенных в центре на улице Ленина. Название «Пентагон» (от штаб-квартиры Министерства обороны США) было дано за внешний вид зданий, построенных почти кругом, таким образом, что сами по себе здания являлись границами. Это был проект, соответствующий архитектурным концепциям северных строек – как микрорайон, защищающий от ветра и неблагоприятных погодных условий (см., напр., [18]). *«Раньше эти дома считались самыми лучшими в Анадыре. Ну, когда еще бараки были. А теперь их называют “чукотский квартал” или “чукотское гетто”. Там квартирки маленькие, подъезды вонючие, ремонт плохой, квартиры дешевле. Вот местные жители их и покупают»*¹⁴.

В городском дискурсе Анадыря существует еще ряд названий кварталов («склады Новочадовского», «Рынок» и др.). Для анализа важным оказывается тот факт, что внутренние границы города выстраиваются в основном по национальному признаку, даже если в реальности соотношение коренных жителей и «русских» в этом квартале одинаковое.

Согласно М. де Серто, городское пространство обретает жизнь и изменяет конфигурацию благодаря практикам ходьбы и перемещения: шаги пешеходов переписывают градостроительные схемы власти [19]. В Анадыре граница между урбанистическим и природным ландшафтом оказывается пористой. В переходных частях города, между домами и тундрой расположены гибридные инфраструктурные элементы: балки, самодельные гаражи, контейнеры для хранения лодок и снегоходов, копильни и бочки. Эта часть гаражно-складской инфраструктуры служит переходным локусом между современным «окультуренным» комфортным городским пространством и промысловым пространством автохтонного ландшафта. Сезонная охота, рыбалка на лимане и сбор дикоросов превращают внешнюю черту города в подвижную градиентную зону. Зимой, со становлением ледового покрова и плотного снежного наста, граница полностью нивелируется: автомобили и снегоходы связывают жилые кварталы с тундрой, а водная граница становится преодолимой и оказывается сухопутной частью города (на льду лимана городскими

¹⁴ ПМА. Информант №38, женщина, 52 года.

и региональными властями в апреле проводится фестиваль «Корфест», жители ходят по льду на зимнюю рыбалку).

Ощущение расстояния в городе Анадырь также является особенным. По свидетельству моих информантов, в Москве или в городах центральной России расстояния даже вдвое больше преодолеваются всегда пешком и не считаются большими. Представления о протяженности пространства и ощущения пространства Анадыря и Москвы (или других городов) оказываются разными. Один километр в Анадыре воспринимается намного длиннее, чем такое же расстояние в Москве. Настолько длиннее, что в Анадыре этот километр едут на такси или на автобусе, а в Москве идут пешком. Даже при том, что стоимость проезда на такси в Москве этого же расстояния оказывается дешевле. Также неблагоприятные погодные условия делают расстояния в Анадыре еще длиннее в субъективном восприятии людей.

Наиболее мощной ментальной границей, формирующей идентичность жителей города Анадырь, выступает разделительная линия между округом и «материком». Семантика термина «материк» на Чукотке парадоксальна: Анадырь географически расположен на континенте Евразия, однако в обыденном языке и когнитивных схемах жителей город позиционируется как островное образование [20]. Выражения «уехать на материк», «заказать с материка», «материковские цены», «материковские замашки» структурируют локальный дискурс.

Анадырь ощущается как остров, «отрезанный» от остального мира кусочек земли. Отсутствие автодорог (единственная автодорога из города существует в виде автозимника четыре месяца в году) и возможности постоянного наземного выезда за пределы города создает в представлениях людей и другие границы: *«Мы здесь живем в информационном вакууме»*¹⁵, *«Развлечений здесь никаких нет, даже за город в выходные не съездить»*¹⁶, *«Здесь вообще... одни ограничения. Как под микроскопом, все тебя знают, никакой свободы»*¹⁷ и т.д.; *«Люди морально защищены на черте города и не планируют своего отдыха за его пределами. Отчасти потому, что за город практически невозможно выбраться ввиду отсутствия дорог. Те немногие, что отдыхают за городом, это охотники и рыбаки, у которых есть свои транспортные средства для преодоления больших расстояний»*¹⁸.

¹⁵ ПМА. Информант №10, женщина 29 лет.

¹⁶ ПМА. Информант №18, мужчина, 30 лет.

¹⁷ ПМА. Информант №13, женщина, 25 лет.

¹⁸ Полевой дневник №3.

Отрезанность лиманом от аэропорта (поселок Угольные Копи, где расположен аэропорт, находится на противоположном берегу) лишь усиливает чувство островного бытия. Межсезонье – период ледостава (октябрь–ноябрь) и вскрытия льда (май–июнь), когда навигация катеров и барж прекращена, а ледовая переправа еще не открыта – физически закрывает Анадырь. Переправа вертолетом или судами на воздушной подушке становится воплощением лиминального состояния, подчеркивающего зависимость каждого жителя от стихийных сил и техники.

Пространство за пределами региона мыслится как принципиально иная онтологическая реальность, наделенная признаками изобилия и «жизни», но одновременно – социальной разобщенности и опасности: *«Ты на материке никому не нужен... Я приезжаю туда, да, - все есть, магазины, фрукты, все... Но постоянно в напряжении. Толпы людей. Сумку прижимаешь... Там вот, напротив тебя идет человек, но он мимо тебя смотрит, холодными глазами. Я очень быстро там устаю, хоть и отпуск. У нас как-то спокойно»*¹⁹. В этой цитате из интервью прослеживается механизм, описанный К. Хаструп: экстремальность внешней среды, порождает обостренное чувство зависимости членов сообщества друг от друга, превращая географическую уязвимость в источник плотной моральной солидарности [21].

В противоположность жителям города, жители сельских поселений Чукотки воспринимают Анадырь как материк, как пункт, открывающий возможности для выезда, центр торговли, развлечений, новой информации, «большой город».

«Лицо города»: апроприация коренного и границы репрезентации

Важный аспект городской идентичности Анадыря – присутствие коренных малочисленных народов Чукотки (преимущественно чукчей и эскимосов). Изначально основанный в 1889 году Л.Ф. Гриневецким как царский пост Ново-Мариинск вблизи чукотского стойбища, город развивался преимущественно как российский форпост. Его окружали сотни километров пустынной тундры и оленеводы, кочующие со своими стадами по территории полуострова. С этого времени и до середины XX века город был одним из немногих поселений на Чукотке, где проживало немногочисленное пришлое население²⁰. С конца 1950-х гг.

¹⁹ ПМА. Информант №26, женщина, 64 года.

²⁰ В конце XIX века население поста составляло несколько десятков человек: военные, чиновники, торговцы, священник. Подавляющее большинство – русские. Первая перепись 1897 года по всей Анадырской округе зафиксировала 12 903 человека, из которых русских – лишь 138 человек, а основу составляли коренные народы. В 1930 году Анадырь стал центром Чукотского национального округа. По данным 1938 года, население Анадыря – 3,3 тыс. человек, из них – доля коренного населения – около 75%.

Анадырь становится типичным советским городом с преимущественно русскоязычным пришлым населением. В 2020 году по официальным данным переписи населения, в Анадыре проживало примерно 20% коренного населения²¹. История развития города – от военно-административного форпоста империи до регионального центра – изначально заложила структурную асимметрию городского пространства, где коренное население оказалось включено в институциональные рамки внешнего происхождения.

Вопрос о том, как на протяжении более века складывались отношения между русским, советским и российским городом, с одной стороны, и коренным населением – с другой, не является отступлением от темы городской идентичности, а представляет собой условие ее понимания. Однако применение для анализа арктической урбанистики инструментов постколониальных исследований требует теоретических оговорок. Постколониальная теория сложилась на опыте морских империй, тогда как российская и советская модернизации были континентальными и разворачивались в логике «внутренней колонизации»: центр не воспринимал северную периферию как принципиально иной мир [22]. Ю. Слезкин описывает имперский взгляд на северные народы как зеркало, в котором империя искала и не узнавала собственный образ [23].

Наряду с вопросом о происхождении и применении самих понятий здесь возникает и вопрос об уровне анализа. В постколониальных исследованиях культурный анализ репрезентаций не тождествен политико-экономическому анализу, и Р. Янг пишет о том, что постколониализм остается прежде всего политическим, а не только культурным проектом [24]. Работа сознательно ограничена анализом репрезентаций, так как предметом выступает знаково-текстовая среда города. Городское «культурное смешение» рассматривается не как гармоничное взаимопроникновение, а через асимметрию между институтами переселенческого города и жизненными мирами коренных сообществ.

Среди части коренного населения, особенно выходцев из отдаленных чукотских сел, переезд в Анадырь сопровождался переживанием социокультурного отчуждения. Во многих интервью люди говорили о том, что село для них является более понятным, а город держит в напряжении. Например, жительница села Ванкарем, приехавшая к дочери помочь с малышом, жаловалась: *«Здесь все по-другому. Тундра далеко.*

²¹ Чукотский автономный округ. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Режим доступа: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/64095?ysclid=mtwx6tx418554247669> (дата обращения: 11.07.2026).

Вообще ничего не собрала. Привыкаю-привыкаю, не могу привыкнуть никак. Чувствую себя чужой. Квартира эта. Душит как будто. Я привыкла ходить, а тут куда сходишь? Дом свой если, всегда чем-то занят, а здесь нечего делать»²².

Это переживание стоит рассматривать не как трудность адаптации, а как то, что Х. Бхабха называет неприкаянностью, «бездомностью» (unhomeliness): дом перестает быть местом узнавания – приватным убежищем и становится источником тревоги [25]. Показательно, что детали жалобы не бытовые. «Тундра далеко» фиксирует разрыв связи с пространством, в котором движение имело смысл, а «нечего делать» – исчезновение занятости, задававшей промысловым циклом. Теснота квартиры («душит как будто») и вынужденная обездвиженность тела вступают в неразрешимый конфликт с открытым пространством тундры. Чужим оказывается само жилище: квартира не компенсирует дом, поскольку устроена по иной логике обжитого пространства, где каждая вещь имеет назначение.

Молодые же люди из числа коренных жителей, а также те, кто родился и вырос в Анадыре, чувствуют себя довольно комфортно между двумя мирами: городским и традиционным и умело совмещают их. Это является результатом длительного сосуществования, при котором культурное наследие перестало быть предметом выбора.

Анадырь выступает узлом межэтнической гибридизации. Приезжие перенимают гастрономические вкусы коренного населения, адаптируют элементы традиционного орнамента и промысловой этики. Б. Хукс употребила понятие «поедание Другого» или культурное присвоение «Другого», через которое она описала механизм, когда доминирующая группа потребляет элементы подчиненной культуры – еду, музыку, эстетику в качестве экзотического опыта, сохраняя при этом собственные привилегии и не признавая политической субъектности той группы, чьи практики она присваивает [26, с. 21, 39]. Перенимание гастрономических вкусов коренного населения приезжими может читаться именно в этом ключе: строганина, кожа кита (мантак), мясо моржа²³, вяленая оленина становятся маркером локальной аутентичности для горожан. Однако такое потребление не влекло за собой чего-то большего, субъектность коренных жителей оставалась прежней. Соответственно, одна группа выбирала, что заимствовать, тогда как другая не выбира-

²² ПМА. Информант №31, женщина, 62 года.

²³ В 2024 году в кафе, расположенном в супермаркете «Ново-Мариинский», в меню были включены блюда из мяса моржа.

ет условия, на которых ее наследие входит в городское пространство. Заимствование оказывается не столько двусторонним обменом, сколько односторонним пользованием, в котором «Другой» интересен ровно до тех пор, пока остается экзотикой [26, с. 21–22]. Культурные маркеры коренных жителей заимствуются горожанами как знаки местной подлинности. Обмен маркерами и обмен возможностями подчиняются разной логике, и равенство в символическом пространстве не тождественно равенству в политическом [24].

Городская среда оказывается ареной культурного перевода и непрерывных переговоров об агентности коренных сообществ в условиях доминирования внешних институтов [27]. Репрезентация Анадыря как столицы именно автономного (национального) округа и присутствие национального компонента в ландшафте активизировалось и проявилось наиболее ярко в XXI веке. До 2004 года национальные мотивы в ландшафте города были немногочисленными и схематичными. «Национальное» было представлено тремя муралами на домах: кит и олени в технике имитации петроглифов, художественные (косторезные) инструменты (рис. 1).

За последние 20 лет пространство города обрело несколько элементов, демонстрирующих национально-культурную составляющую. С 2005 до 2022 года это были муралы на зданиях со словами на русском и чукотском языках. Интересен выбор маркеров национальной культуры: в одном случае это предметы материальной культуры чукчей (байдара, ярар); в другом случае – животные, относящиеся к хозяйству, промыслу и просто символы Севера (кит, морж, белый медведь, олень); в третьем случае – лица коренных жителей на фоне природного ландшафта тундры (мужчина, женщина, ребенок); в четвертом случае – маркеры, которые символизируют именно Анадырь (икра и корюшка) (рис. 2).

Отбор маркеров подчинен устойчивой логике. Природа и фауна (кит, морж, белый медведь, олень) и предметы промысла (байдара, ярар) представляют культуру через вещи и среду, а лица коренных жителей даны на фоне тундры: вписаны в пейзаж, а не в историю. Б. Ашкрофт, Г. Гриффитс и Х. Тиффин описывают такой механизм через работу места (place) и смещения (displacement): целое подменяется доступной и безопасной частью [28, с. 391–392]. Показателен и случай, где город обозначает себя через икру и корюшку, то есть через потребляемый продукт. Узнаваемость достигается ценой устранения из образа всего, что отсылает к политической истории (коллективизации, переселений, языковой утраты). Национальное в этом смысле предстает как набор предметов, животных и лиц, но не как реальная история.

Рис. 1. Муралы на жилых домах в г. Анадырь до 2004 года. Фото автора
Fig. 1. Murals on residential buildings, Anadyr, before 2004. Photo by the author

Рис. 2. Муралы на жилых домах в г. Анадырь (2005–2022 гг.). Фото автора
Fig. 2. Murals on residential buildings in Anadyr (2005–2022). Photo by the author

Периоды активного строительства города пришлись на советское время (70–80-е годы XX века) и первое десятилетие 2000-х годов, так называемое «время Абрамовича» (период 2001–2008 годов, когда в Чукотском АО губернатором был избран Р.А. Абрамович). В первом случае «лицом» города был «советский человек», «покоритель Севера». Зафиксирован и патерналистский мотив на панно многоэтажного дома (лицо В.И. Ленина в окружении коренных жителей) (рис. 3), который был характерен для многих советских строек Севера [29]. В XXI веке «лицом» города становится коренной житель (рис. 4). В настоящее время это герои СВО, объекты традиционного промысла и современные стили отражения национальной специфики (рис. 5, 6).

Эта трансформация фасадов наглядно отражает смену режимов колониального дискурса. Советский монументализм (панно с Лениным в окружении коренных жителей) закреплял классическую патерналистскую модель опеки над «малыми народами», конструируя коренное население как пассивный объект модернизации и просвещения [23; 27]. В самом процессе отбора образов воспроизводится то, что Н.В. Ссорин-Чайков описывает как распределенное присутствие государства в северной повседневности [22]. Муралы XXI века отразили переход к визуальной апроприации: эстетизация лиц и традиционных промыслов превращает национальную культуру в декоративный ресурс городского брендинга.

Рис. 3. Панно на многоэтажном жилом доме в г. Анадырь. Фото автора
Fig. 3. Panel on a multi-storey residential building in Anadyr. Photo by the author

Рис. 4. Муралы
на жилых домах
в г. Анадырь (2013 г.).
Фото автора

Fig. 4. Murals on
residential buildings
in Anadyr (2013).
Photo by the author

Рис. 5, 6. Муралы на жилых домах в г. Анадырь (2026 г.). Фото автора
Figs. 5, 6. Murals on residential buildings in Anadyr (2026). Photo by the author

Специфично для города Анадырь смешение в символике и ландшафте различных маркеров. История основания города (название центрального супермаркета «Ново-Мариинский» и памятник его основателю Л.Ф. Гриневецкому) граничит с его советским прошлым (памятник В.И. Ленину, картины на фасадах многоквартирных домов), маркерами «северности» и культуры коренных жителей. Итоговая композиция города – не синтез, а слоение: имперский слой («Ново-Мариинский», памятник Л.Ф. Гриневецкому), советский (памятник В.И. Ленину и панно) и национальный (муралы, памятник Ю. Рытхэу) сосуществуют, не снимая друг друга. «Лицо города» менялось на протяжении полутора веков, но всякий раз это было лицо, которое город показывал с позиции приезжего населения.

Режимы времени и ритмы Анадыря: темпоральность северного города

«Время» как категория социальная – положение, восходящее к Э. Дюркгейму и разработанное в антропологической традиции М. Моссом и А. Юбером – давно перестало быть предметом спора:

в каждом обществе существует не одно, а несколько сосуществующих времен [30]. Сегодня вопрос ставится иначе: не о социальности времени, а о том, как организовано это сосуществование [31]. Г. Гурвич обозначил такую множественность как спектр социальных времен: каждая группа, каждый класс и общество вырабатывают собственный ритм, в котором они развиваются [32].

Темпоральность Анадыря производна от его «северности», от структуры городской экономики и от преобладающей производственно-хозяйственной занятости. На основании наших материалов мы составили перечень городского времени, обозначив его периоды так, как их называют сами информанты. Такой способ описания опирается на подход, известный в городской антропологии и семиотике города как «локальный текст» [33]. Термин «локальный текст» применяется здесь в этнографическом значении [29, с. 182]. Мы понимаем его также как «систему ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо жилым местом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим местом» [34, с. 19].

Эмическая периодизация «прошлого» Анадыря делится в рассказах горожан на несколько периодов: на «богатые советские 80-е», когда «палки колбасы привозили в бочках» и «было все, что даже сгущенку отправляли посылками на материк»; на период, когда в Анадыре «меняли квартиру на билет до материка» и «если одну рыбу»; на «время Абрамовича», когда все строили, красили и «дороги мыли», и на «время после Абрамовича». Сама смена способов говорить о прошлом описывается понятием «режим историчности» – исторически изменяющегося соотношения прошлого, настоящего и будущего в опыте сообщества [35].

Год в Анадыре, согласно локальным текстам, складывается из «полярного дня» и «полярной ночи», «зимы», «сезона отпусков», «времени икры и корюшки».

Неделя, по классификации, предложенной жителями города, делится на «рейсовые» и «нерейсовые» дни, то есть на такие, в которые можно вылететь в Москву, и на такие, в которые нельзя. Этот календарь задается не культурной нормой, а расписанием: Э. Зерубавель показал, что расписания и календари образуют «скрытые ритмы» социальной жизни, оставаясь почти незаметными для тех, кто в них живет [36]. В календаре городской повседневности присутствуют и так называемые «активированные» дни, когда из-за неблагоприятных погодных условий составляется акт и отменяются занятия в школе. По числу таких дней в году судят о том, какой была зима – «хорошей» или «плохой».

Временными маркерами рабочего дня (с понедельника по пятницу), согласно локальной периодизации, выступают: 8:00–9:00 утра, когда *«сложно вызвать такси, потому что всем надо на работу, в школу, в детский сад»*; 13:00–14:30 – *«время обеда, когда никто и ничего не работает»*, или *«время анадырских “пробок”*», или *«время, когда толпы людей идут по улице»*, и *«время очередей в магазине»*; 17:30–18:30 – время, *«когда все идут с работы»* и время, *«когда в “Бриз”²⁴ полно народа»*; 19:00 – *«время переполненных автобусов»*. Выходные в зависимости от сезона описываются обычно как время пустого города: *«пусто в городе, все в тундру уехали»*; *«на улицах никого нет, все отсыпается»*; *«никого нет, все в отпусках, одни туристы ходят»*.

Д. Димке и И. Корюхина, описывая временные ритмы одного северного поселка, отмечали, что завод – градообразующее предприятие – определял ход времени и задавал ритм жизни, из которого практически невозможно было выпасть. Если человек выпадал из временного ритма, его очень быстро *«возвращали»*, и такая регламентация повседневности воспринималась как нормальная, более того - как необходимая для жизни поселка [37, с. 77].

В Анадыре мы наблюдаем сходную конфигурацию. Роль «градообразующего предприятия» здесь выполняют государственные учреждения: Анадырь изначально создавался как административный центр. Сам механизм дисциплинирования времени через трудовое расписание подробно описан Э.П. Томпсоном: переход к индустриальному капитализму сопровождался превращением времени в измеряемый и подлежащий учету ресурс, а время, ориентированное на выполнение задачи, уступало место времени, отсчитываемому часами [38]. Существенно, что в Анадыре этот механизм действует в неиндустриальной форме: функцию завода, о котором пишут Димке и Корюхина, берет на себя административный аппарат.

Дневной трудовой график большинства этих учреждений предполагает рабочий день с 9:00 до 17:45 у женщин и до 18:45 у мужчин (гендерные различия связаны с соответствующим законом, по которому трудовая неделя женщины в условиях Крайнего Севера сокращена до 36 часов) с обеденным перерывом с 13:00 до 14:30²⁵. Соответственно, «ритмы Анадыря» подчиняются именно такому графику. Понятие ритма используется здесь не метафорически: в «Ритманализе» А. Лефевра городской ритм – это результат наложения и взаимной подстройки множества частных ритмов, задаваемых трудом, транспортом и торговлей [39].

²⁴ Магазин «Бриз» в городе Анадырь, расположенный в центре города на ул. Рультегина 13.

²⁵ Статья 320 Трудового кодекса РФ.

По нашим наблюдениям, этому графику стараются соответствовать все предприятия и учреждения города, и даже магазины и бизнес-структуры:

«Сейчас магазины в основном отменили обеденный перерыв, ну, некоторые в 14:00 закрываются. Это так неудобно. Раньше вообще, 13:00, а они на обед. Я в это время хочу походить, что-то купить домой. Вечером устаешь, хочется сразу на диван. Не до магазинов. А обед у нас большой, и можно успеть продуктов купить и просто посмотреть, что продают, где что привезли»²⁶.

«В выходные и праздничные дни все закупаются в магазинах. Или заранее это делают, чтобы в свой выходной день никуда не ходить, в особенности если этот выходной в зимнее время. Обычно процесс закупки товаров происходит вечером после работы, где-то после 18:00, на все это тратится в среднем около двух часов. Обусловлено это тем, что магазины в городе маленькие и касс зачастую также мало, исключением является супермаркет “Новомариинский”, вследствие чего очередей в этих магазинах много, но, несмотря на это, люди все равно стоят в них. В любом другом городе ушли бы в магазин по соседству, но в нашем городе магазинов мало. Выбора особо нет»²⁷.

Анадырь, как и большинство городов Дальнего Востока, живет в режиме смещения относительно центральных районов страны и особенно относительно Москвы. Как самая восточная региональная столица России, Анадырь имеет максимальную в стране разницу с Москвой – +9 часов²⁸, и это накладывает отпечаток на ритм города. А. Карасева и М. Момзикова проанализировали темпоральные практики жителей двух городов Дальнего Востока – Владивостока и Магадана, обусловленные необходимостью синхронной коммуникации с людьми из другого часового пояса, главным образом московского [9]. Их выводы обнаруживают много параллелей с повседневностью жителей Анадыря и с практиками координации во времени для осуществления синхронного общения с другой часовой зоной. В «локальных текстах» Анадыря разница часовых поясов озвучивается как «Москва проснулась» и «Москва спит».

«Период навигации», выделяемый жителями города Анадырь, характеризуется ими как наиболее благоприятное время. Это отрезок с июля по ноябрь, когда акватория Анадырского морского порта освобождается от льда и в Анадырь приходят суда с продуктами и различными товарами. Это время так называемого «северного завоза», хорошо

²⁶ ПМА. Информант №22, женщина 46 лет.

²⁷ ПМА. Информант №6, женщина, 51 год.

²⁸ Чукотка делит разницу по времени в +9 часов с Камчатским краем.

знакомое старожилам города, когда Чукотка и, в частности, Анадырь снабжались необходимыми товарами на весь год.

«Для жителей города существует время, когда цены в магазинах становятся ниже, а ассортимент становится больше. Этот период называется период навигации, в это время в город приходят корабли с продовольствием. Для горожан навигация – это праздник, которого все ждут с нетерпением, ведь помимо снижения цен в магазинах, люди могут заказывать тяжелую технику и мебель с материка и перевозить ее на корабле... Есть противоположное время. Зимой, ближе к весне. Апрель, май. Все товары завозятся самолетами, из-за чего цены становятся высокими, хотя качество товара, как правило, падает. В это время люди стараются покупать овощи и фрукты только в случае крайней необходимости»²⁹.

В исследованиях инфраструктуры показано, что ее ритмы – сезонность завоза, доступность и ремонт сетей – становятся основой социального времени сообщества, а не только техническим условием снабжения [40]. Календарь цен и календарь завоза в этом описании фактически совпадают.

Различия представлений о времени у сельчан и горожан связаны прежде всего с общей культурой модерна и культурой любого города: в городе люди связаны со временем, зависимы от него и от часов. В сельской местности, в том числе у коренного населения, координация строится преимущественно не по расписанию, а по событию – по промысловому циклу, погоде, готовности участников. А. Гелл показал, что расхождение такого рода точнее описывать не как наличие у сообществ разных «представлений о времени», а как различие систем счисления времени: там, где нет расписания, время не становится отдельным объектом наблюдения, а выводится из последовательности практических событий [41]. Поэтому, как отмечают наши информанты, сельские жители часто опаздывают, не приходят и «не понимают, что такое время».

Таким образом, время в Анадыре не выстраивается в единую хронологическую шкалу, а существует как несколько частично совпадающих режимов – природного цикла, трудового расписания, завоза и связи с материком, – и именно их совмещение, а не последовательная смена, задает ритм городской повседневности.

Заключение

Анадырь обнаруживает себя как город, у которого и границы, и время, и собственный образ производятся не столько административными решениями, сколько повседневными практиками горожан. Наша

²⁹ ПМА. Информант №17, женщина, 49 лет.

работа строилась как культурно-антропологический анализ города в трех измерениях городской культуры, намеченных Л. Виртом, – физическое пространство, социальная организация, установки и идеи [13]. Ключевыми материалами стали «локальные тексты» Анадыря: устойчивые наборы высказываний, стереотипов и поведенческих практик, которыми жители описывают свое место.

Мы выяснили, что внешняя граница города не совпадает с административной: село Тавайваам, формально входящее в городской округ, исключается жителями из «города» и наделяется признаками чужого пространства – от коммунальных условий до репутации «гетто». Сама граница при этом не линия, а градиент: она смещается по сезону, времени суток и виду деятельности, а пористой ее делают рыбалка, сбор дикоросов и гаражно-складская инфраструктура на кромке тундры. Наиболее жестким ментальным рубежом остается разделение округа и «материка»: город, географически расположенный внутри континента, осмысливается как остров. При этом, как писала К. Хаструп трудная жизнь на Севере связана с серьезными обязательствами внутри сообщества [21]. Наши материалы добавляют к этому наблюдение о восприятии расстояния: один километр в Анадыре чаще едут, чем идут, и это не бытовая деталь, а следствие того, что тело горожанина постоянно соотносится с погодой и рельефом.

Репрезентация коренного населения в городском ландшафте прошла путь от советского патернализма (панно с В.И. Лениным в окружении северян) к визуальной апроприации: с 2005 по 2022 год национальное присутствует на фасадах как набор предметов, животных и лиц на фоне тундры. Это не диалог, а односторонний отбор – город заимствует маркеры коренной культуры как знаки местной подлинности, не меняя условий, на которых ее носители входят в городское пространство. Б. Хукс описывала такой механизм как «поедание Другого»: потребление элементов подчиненной культуры при сохранении собственных привилегий [26]. Наши материалы показывают, что тот же разрыв переживается и изнутри. Для пожилых выходцев из отдаленных сел город остается источником неприкаянности, «бездомности» (unhomeliness) [25], тогда как молодое поколение коренных горожан совмещает оба мира уже без усилия выбора. Итоговая композиция города – не синтез, а слоение: имперский, советский и национальный слои сосуществуют, не снимая друг друга, и всякий раз «лицо» показывает город с позиции приезжего населения.

Касаемо времени, Анадырь живет не в одной хронологии, а в нескольких частично совпадающих режимах: природном цикле, трудо-

вом расписании административных учреждений, сезонности завоза и смещении на девять часов относительно Москвы. Эмическая периодизация прошлого – «богатые 80-е», годы «обмена квартиры на билет», «время Абрамовича» и «время после Абрамовича» – показывает смену режима историчности, то есть самого соотношения прошлого, настоящего и будущего в опыте сообщества. Расхождение городского и сельского времени не трактуется как недостаток временного сознания, а описывается в соответствии с позицией А. Гелла, как различие систем счисления времени, где расписание – лишь один из возможных инструментов [41].

Анадырь – не уменьшенная копия «обычного» российского города и не только логистический узел. Его пространство и время организованы собственной логикой, которую задают изоляция, мерзлота, сезонный завоз и сосуществование двух жизненных укладов. Описание этой логики через «локальные тексты» позволяет говорить об арктическом городе не как о точке на карте ресурсного освоения, а как о полноценном социальном организме.

Перспективным представляется анализ переправы через Анадырский лиман и «дороги» из Анадыря в аэропорт, а также воздушных сообщений Анадыря с другими населенными пунктами в свете концепции мобильности. Именно эти маршруты, а не только сами городские кварталы, удерживают город в связности с остальным миром и, вероятно, дают наиболее ясную картину того, как северный город производит свое пространство и время.

Литература

1. Humphrey C. Rethinking Infrastructure: Siberian cities and the Great Soviet Freeze. *Wreckage of modernity: new perspectives on the Soviet and Post-Soviet worlds* / ed. M.G. Rosser. Berkeley: University of California Press; 2003:91–108 (на англ.).
2. Massey D. *For space*. London: SAGE Publications. 2005 (на англ.).
3. Low S.M. Towards an anthropological theory of space and place. *Semiotica*. 2009;2009(175):21–37 (на англ.).
4. Zamyatina N. Intercity networks as a factor promoting Arctic city sustainability. *Russian Analytical Digest*. 2013;(29):4–6 (на англ.).
5. Замятина Н.Ю. Норильск – город фронта. *Вестник Евразии = Acta Eurasica*. 2007;1(35):165–190.
6. Bolotova A. Habitual risk taking in Dzerzhinsk: daily life in the capital of Soviet chemistry. Cultures of contamination: legacies of pollution in Russia and the US. *Research in Social Problems and Public Policy*. 2007;(14):189–208 (на англ.).

7. Рожанский М.Я. *Сибирь как пространство памяти*. Иркутск: Оттиск. 2013.
8. Карасева А. Транслокальный Магадан: «виртуальное соседство» в ВК-паблике «MGDN|Магадан». *Интернет за пределами цифр: сборник статей*. [Б.м.]: Издательские решения. 2018:51–64.
9. Карасева А.И., Момзикова М.П. Часовые пояса и синхронные телекоммуникации: незаметная работа по темпоральной координации у горожан Дальнего Востока России. *Этнографическое обозрение*. 2019;(3):42–61.
10. Thompson N. *Settlers on the edge: identity and modernization on Russia's Arctic frontier*. Vancouver; Toronto: University of British Columbia Press. 2008 (на англ.).
11. Vaté K.V. The Chukchi Spring Festival in urban and rural contexts. Rebuilding identities. *Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 2005:39–62 (на англ.).
12. Gray P.A. *The predicament of Chukotka's indigenous movement: Post-Soviet activism in the Russian Far North*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005 (на англ.).
13. Вирт Л. *Избранные работы по социологии*. Москва: ИНИОН РАН; 2005.
14. Чешкова А.Ф. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации. *Российское городское пространство: попытка осмысления*. Москва: Московский общественный научный фонд. 2000:13–38.
15. Линч К. *Образ города*. Москва: Стройиздат. 1982.
16. Lefebvre H. *The production of space*. Oxford: Blackwell. 1991 (на англ.).
17. Штаммлер-Госсман А. Что такое Север? Концепция российского пространства. *Арктика. XXI век. Гуманитарные науки*. 2013;(1):30–51.
18. Калеменева Е.А. Город под куполом: советские архитекторы и освоение Крайнего Севера в 1950–1960-е годы. *Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau*. 2013;(7):93–108.
19. De Certeau M. *The practice of everyday life*. Berkeley: University of California Press. 1984 (на англ.).
20. Вахтин Н.Б. *Североведение: введение: материалы к учебнику*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 2015.
21. Nastrup K. The hardship of life: extreme places and climate change. *The Hardship of Life: An Inquest of Extreme Environments*. Oxford: Oxford University Press. 2015:1–28 (на англ.).
22. Ssorin-Chaikov N.V. *The social life of the state in Subarctic Siberia*. Stanford: Stanford University Press. 2003 (на англ.).
23. Слезкин Ю. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. Москва: Новое литературное обозрение. 2008.

24. Young R.J.C. *Postcolonialism: an historical introduction*. Oxford: Blackwell. 2001 (на англ.).
25. Bhabha H.K. *The location of culture*. London; New York: Routledge. 1994 (на англ.).
26. Hooks B. *Black looks: race and representation*. Boston: South End Press. 1992 (на англ.).
27. Gray P.A. Chukotkan reindeer husbandry in the post-socialist transition. *Polar Research*. 2000;19(1):31–37. DOI: <https://doi.org/10.3402/polar.v19i1.6533> (на англ.).
28. *The Post-colonial studies reader* / ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. London; New York: Routledge. 1995 (на англ.).
29. Агапов М.Г. «Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2018;3(42):181–191.
30. Hubert H. *Essay on time: a brief study of the representation of time in religion and magic*. Oxford; New York: Durkheim Press; Berghahn Books. 1999 (на англ.).
31. Munn N. The cultural anthropology of time: a critical essay. *Annual Review of Anthropology*. 1992;(21):93–123 (на англ.).
32. Gurvitch G. *The spectrum of social time*. Dordrecht: D. Reidel. 1964 (на англ.).
33. Абашев В.В. *Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века*. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 2000.
34. Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города. *Антропологический форум*. 2010;(12):16–25.
35. Hartog F. *Regimes of historicity: presentism and experiences of time*. New York: Columbia University Press. 2015 (на англ.).
36. Zerubavel E. *Hidden rhythms: schedules and calendars in social life*. Chicago: University of Chicago Press. 1981 (на англ.).
37. Димке Д., Корюхина И. Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества. *Социология власти*. 2013;(3):73–93.
38. Thompson E.P. Time, work-discipline, and industrial capitalism. *Past & Present*. 1967;(38):56–97 (на англ.).
39. Lefebvre H. *Rhythmanalysis: space, time and everyday life*. London: Continuum. 2004 (на англ.).
40. Larkin B. The politics and poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. 2013;(42):327–343. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522> (на англ.).
41. Gell A. *The anthropology of time: cultural constructions of temporal Maps and Images*. Oxford: Berg. 1992 (на англ.).

References

1. Humphrey C. Rethinking Infrastructure: Siberian cities and the Great Soviet Freeze. *Wreckage of modernity: new perspectives on the Soviet and Post-Soviet worlds*. University of California Press. 2003:91–108.
2. Massey D. *For space*. London: SAGE Publications. 2005.
3. Low SM. Towards an anthropological theory of space and place. *Semiotica*. 2009;2009(175):21–37.
4. Zamyatina N. Intercity networks as a factor promoting Arctic City Sustainability. *Russian Analytical Digest*. 2013;(29):4–6.
5. Zamyatina NYu. Norilsk – the frontier city. *Vestnik Evrazii = Acta Eurasica*. 2007;1(35):165–190 (in Russian).
6. Bolotova A. Habitual risk taking in Dzerzhinsk: daily life in the capital of Soviet chemistry. Cultures of contamination: legacies of pollution in Russia and the US. *Research in Social Problems and Public Policy*. 2007;(14):189–208.
7. Rozhansky MYa. *Siberia as a space of memory*. Irkutsk: Ottisk. 2013 (in Russian).
8. Karaseva A. Translocal Magadan: “Virtual Neighborhood” in the VK Public “MGDN|Magadan”. *Internet beyond the Numbers: Collection of Articles*. [S.l.]: Izdatelskie resheniya. 2018:51–64 (in Russian).
9. Karaseva AI, Momzikova MP. Time zones and synchronous telecommunications: invisible work of temporal coordination among Far Eastern Russian citizens. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2019;(3):42–61 (in Russian).
10. Thompson N. *Settlers on the edge: identity and modernization on Russia's Arctic frontier*. Vancouver; Toronto: University of British Columbia Press. 2008.
11. Vaté KV. The Chukchi Spring Festival in urban and rural contexts. Rebuilding identities. *Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 2005:39–62.
12. Gray PA. *The predicament of Chukotka's indigenous movement: Post-Soviet activism in the Russian Far North*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
13. Wirth L. *Selected works on Sociology*. Moscow: INION RAN. 2005 (in Russian).
14. Cheshkova AF. Methodological approaches to the study of urban spatial segregation. *Russian Urban Space: An Attempt at Comprehension*. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond. 2000:13–38 (in Russian).
15. Lynch K. *The image of the city*. Moscow: Stroyizdat. 1982 (in Russian).
16. Lefebvre H. *The production of space*. Oxford: Blackwell. 1991.
17. Stammler-Gossmann A. What is the North? The concept of Russian space. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2013;(1):34 (in Russian).

18. Kalemeneva EA. City under the Dome: Soviet architects and the development of the Far North in the 1950s–1960s. *Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau*. 2013;(7):93–108.

19. De Certeau M. *The practice of everyday life*. Berkeley: University of California Press. 1984.

20. Vakhtin NB. *Northern studies: introduction: materials for a textbook*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 2015 (in Russian).

21. Hastrup K. The hardship of life: extreme places and climate change. *The Hardship of Life: An Inquest of Extreme Environments*. Oxford: Oxford University Press. 2015:1–28.

22. Ssorin-Chaikov NV. *The social life of the state in Subarctic Siberia*. Stanford: Stanford University Press. 2003.

23. Slezkine Yu. *Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2008 (in Russian).

24. Young RJC. *Postcolonialism: an historical introduction*. Oxford: Blackwell. 2001.

25. Bhabha HK. *The location of culture*. London; New York: Routledge. 1994.

26. Hooks B. *Black looks: race and representation*. Boston: South End Press. 1992.

27. Gray PA. Chukotkan reindeer husbandry in the post-socialist transition. *Polar Research*. 2000;19(1):31–37. DOI: <https://doi.org/10.3402/polar.v19i1.6533>

28. *The Post-colonial studies reader* / ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. London; New York: Routledge. 1995.

29. Agapov MG. “Yaptik-City”: in search of the identity of a northern village. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2018;3(42):181–191 (in Russian).

30. Hubert H. *Essay on time: a brief study of the representation of time in religion and magic*. Oxford; New York: Durkheim Press; Berghahn Books. 1999.

31. Munn N. The cultural anthropology of time: a critical essay. *Annual Review of Anthropology*. 1992;(21):93–123.

32. Gurvitch G. *The spectrum of social time*. Dordrecht: D. Reidel. 1964.

33. Abashev VV. *Perm as text: Perm in Russian culture and literature of the 20th century*. Perm: Izd-vo Permskogo un-ta. 2000 (in Russian).

34. Alekseevsky M, Akhmetova M, Lurie M. Urban Studies. *Antropologicheskii forum*. 2010;(12):16–25 (in Russian).

35. Hartog F. *Regimes of historicity: presentism and experiences of time*. New York: Columbia University Press. 2015.

36. Zerubavel E. *Hidden rhythms: schedules and calendars in social life*. Chicago: University of Chicago Press. 1981.

37. Dimke D, Koryukhina I. Urban-type settlement: temporal rhythms of deurbanized community. *Sotsiologiya vlasti*. 2013;(3):73–93 (in Russian).

38. Thompson EP. Time, work-discipline, and industrial capitalism. *Past & Present*. 1967;1(38):56–97.

39. Lefebvre H. *Rhythmanalysis: space, time and everyday life*. London: Continuum; 2004.

40. Larkin B. The politics and poetics of infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. 2013;(42):327–343. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>

41. Gell A. *The anthropology of time: cultural constructions of temporal maps and images*. Oxford: Berg. 1992.

Об авторе

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник Научно-образовательного центра «Циркумполярная Чукотка», Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Анадыре, Анадырь, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>, WoS ResearcherID: AAF-3748-2019, Scopus Author ID: 55815641600, Elibrary AuthorID: 489809, SPIN: 4311-7968, e-mail: jarzut@mail.ru

About the author

Anastasiia A. YARZUTKINA – Cand. Sci. (History), Head of the Scientific and Educational Center “Circumpolar Chukotka”, Chukotka branch of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Anadyr, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>, WoS ResearcherID: AAF-3748-2019, Scopus Author ID: 55815641600, Elibrary AuthorID: 489809, SPIN: 4311-7968, e-mail: jarzut@mail.ru

Конфликт интересов

Автор Ярзуткина А.А. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век» и не участвовала в рецензировании данной статьи. Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Yarzutkina A.A. is a member of the editorial board of the journal “Arctic XXI Century” and did not participate in the review of this manuscript. The author is not aware of any other potential conflict of interest related to this manuscript

Поступила в редакцию / Submitted 30.07.2026

Поступила после рецензирования / Revised 24.08.2026

Принята к публикации / Accepted 04.09.2026